

Казалось, у Лукаса была другая причина попытаться забрать Роншку, а не просто желание воспользоваться его даром.

Похоже, это было чувство товарищества.

Интересно, даже такой гордый человек, как Лукас, страдал, когда был совсем мал?

Это было то чувство, совершенно незнакомое Адель.

Маленькие ступни были в ужасающем состоянии. Тонкие ногти на ногах были сломаны, а пальцы усыпаны синяками, вокруг запеклась кровь, плоть обнажилась, невольно вызвав жалобный вздох раскаяния.

Адель осторожно намочила руки водой из таза и вымыла ступни ребёнка. Лукас был сбит с толку действиями пациентки, но в конечном счёте не смог сломить настойчивость женщины.

Как только её рваная рана была зашита, она набрала чуть тёплой воды из таза и начала мыть ребёнка.

— Будет плохо, если швы снова разойдутся, я могу помыть мальчика сам.

Роншка энергично замотал головой.

— Н-нет, пусть мама.

Нужно ли рассказывать, что будет, если рана снова разойдётся? Лукас, который собирался это объяснить, снова закрыл рот. Он замолчал из-за умоляющего взгляда Адель. Даже зная, что она - плохая женщина, мучавшая ребёнка, игнорировать этот взгляд мужчина не смог.

Действительно странно. С расстроенным сердцем Лукас покачал головой и вышел на улицу.

Прикосновения были осторожными, Адель боялась причинить Роншке боль. И все же, каким бы бережными ни были её действия, она в любом случае касалась раны. Возможности избежать боли просто не было.

Несмотря на это, ребёнок не издал ни звука. Он просто время от времени растягивал губы в неловкой улыбке.

— Тебе не больно?

Роншка кивнул в ответ на дрожащий голос Адель. Ему действительно было не больно. Честное слово!

Его мать аккуратно прикасалась к нему. Именно её забота сделала мальчика таким счастливым, что он почувствовал, что сможет вынести ещё большую боль.

«Мама».

На сердце у него было так тепло.

Адель долго мыла сына и переодела его в чистую одежду, которую Лукас приготовил заранее. Опрятно одетым он выглядел гораздо лучше.

— Мне подстричь тебе волосы?

Когда она погладила его чёлку, Роншка покачал головой.

— Страшный.

— Кто?

— Р-Роншка.

— Это неправда. Кто тебе такое сказал...

Когда она спросила, её вскоре осенило. Кто ещё мог говорить Роншке такие слова?

Всё это время ребёнок постоянно находился в её компании. Всегда. Как и ранее, на этот раз той, кто причинил мальчику боль, была сама Адель.

— Роншка.

— Д-да?

У неё сдавило грудь. Она не могла позволить ребёнку вечно видеть в себе монстра. Ей нужно было помочь ему обрести уверенность, постепенно исправляя ситуацию. Только тогда он сможет по-настоящему обрести счастье. Даже если в конечном итоге вспомнит её прошлые деяния и возненавидит её, она всё равно должна будет когда-нибудь раскрыть правду.

А пока она решила укрепить его доверие.

Адель сказала:

— Роншка, ты очень красивый.

— К-красивый?

— И милый.

Мальчик подозрительно посмотрел на Адель.

— Но это ведь неправда?

— О, ты мне не веришь?

— Я-я верю маме! - его голос повысился.

— Тогда поверь мне сейчас.

— Н-но... Ты сказала, что я чудовище, что я ужасно выгляжу.

Мальчик казался смущённым.

— Да, Роншка. Всё это время я была плохой мамой.

— Нет, мама не плохая.

— Нет, я была. Хуже, чем ведьма, живущая глубоко в лесу.

— Хуже, чем ведьма?

Это была одна из самых распространённых вещей, которую слышали дети, когда плохо себя вели: «Если ты не будешь слушаться, ведьма из леса придёт и заберёт тебя».

Ведьмы были известны как злые существа, которые похищали и поедали детей.

Но кто хуже этой ведьмы?

Роншка выглядел шокированным. Но это продлилось недолго. Вскоре, с решительным выражением лица, он заговорил:

— Даже если мама ведьма, всё в порядке.

— Даже при том, что ведьмы – плохие?

— О-о-они плохие, но всё же! – его заикание усилилось от волнения. Несмотря на это, мальчик, казалось, был полон решимости не отказываться от своего мнения.

«Потому что ты мама».

Сын Адель, Роншка, проявлял безусловную любовь именно по этой причине. Глаза женщины медленно начали наполняться влагой. Она не имела права на это. Она не должна была плакать. Но слёзы продолжали литься.

— Извини. Прости меня, Роншка.

Она пыталась держать глаза открытыми, чтобы сдержать слёзы, но у неё не получалось.

Дрожащая рука мальчика медленно потянулась к Адель. Его кисть, покрытая маленькими шрамами, заметно дрожала.

— В-всё в порядке.

Наконец рука Роншки коснулась щеки матери. Сколько мужества он собрал, чтобы совершить это одно простое действие?

Снова почувствовав сожаление, Адель не смогла сдержать слёз.

— Выглядишь намного лучше, приведя себя в порядок, — оценил Лукас мальчика в его новой одежде.

После того, как он вымыл некогда грязное тело и аккуратно расчесал спутанные волосы, его приятную внешность, хотя всё ещё отмеченную шрамами от ожогов, нельзя было полностью скрыть. Если не обращать внимания на рубцы, ребёнок обладал явно приятной и привлекательной наружностью.

«Но мне кажется, что я где-то видел это лицо раньше».

Теперь, когда Роншка был опрятен, он выглядит смутно знакомым. Но ответ никак не приходил на ум.

Ну, какое значение это имело сейчас? Мужчина всё равно не крутился в социальных кругах, соответственно, и у матери с сыном не было причин задерживаться в них.

— Я должен заказать карету, ведь у нас раненая.

Это означало, что придётся задержаться в этой маленькой деревушке ещё на несколько дней, хотя данный факт не имел значения. Времени было предостаточно.

Парень в особняке может поворчать из-за задержки. Но что можно было поделать?

Ехать верхом на лошади с раненой женщиной и слабым ребёнком было бы непросто. Следовательно, он лучше потратит деньги, чтобы одолжить карету в другой деревне.

Время пролетело быстро. Как только маленькая карета прибыла в деревню, Лукас тут же уехал. Конечно, с ним были Адель и Роншка.

— М-мама.

Адель, все ещё оправляющаяся от ран, чувствовала дискомфорт из-за тряски экипажа. Роншка, не в силах сдерживаться, попытался устроить Адель поудобнее, поправив её пальто и подушку.

«Стоит ли оно того?»

Лукас наблюдал за происходящим холодным взглядом. Во время их пребывания в деревне преданность Адель ребёнку была очевидна.

Но мужчина не доверял только внешности. Он не мог расслабиться.

Женщина, которая пренебрегла ребёнком, жаждущим ласки. Он не знал, были ли у неё скрытые мотивы из-за признания его благородного статуса и стремления к чему-то.

Почему она заслонила ребёнка от медведя? Вопрос оставался нерешённым, но что, если за этим стояла другая причина?

«Как та женщина».

Лукас посмотрел на Роншку, который все ещё ёрзал, затем перевёл взгляд в окно.

Во время путешествия Адель постоянно стонала от сильной лихорадки и боли. Вследствие этого карета двигалась медленным темпом.

Останавливаясь в каждой деревне, они обращались за помощью к врачам, показывали раны Адель и двигались с осторожностью. Лукас часто сомневался в необходимости этих остановок, но, когда он смотрел на Роншку, ничего не мог с собой поделать.

Для ребёнка его мать оставалась главной фигурой. И мужчина не мог не брать во внимание этот факт.

Тем временем карета неуклонно приближалась к месту назначения.

Мальчик с голубыми глазами и светлыми волосами спокойно смотрел в окно. Старшая горничная, наблюдавшая за ним, слегка улыбнулась и спросила:

— Вы ждете сэра Лукаса?

— Нет, я просто хотел выглянуть в окно.

— О, правда? Тогда, я полагаю, в этом нет необходимости?

Горничная игриво помахала конвертом с письмом в своей руке. В тот момент, когда мальчик заметил это, отвернулся от окна и поспешил к ней, сложив ладони чашечкой вместе.

— Как его ученик я должен увидеть письмо учителя.

— Что ж, вы в любой момент можете спокойно поговорить с нами, вы же знаете.

— Нет, для меня так лучше.

Ребёнок решительно и быстро забрал письмо и ушёл.

«Какой необычный мальчик».

Однажды, вернувшись со своей обычной вылазки, Лукас привёл ребёнка, который казался забитым, как бездомный кот. Поражённая его робким видом горничная спросила о новоприбывшем, и Лукас ответил:

— Мой ученик.

С тех пор мальчик начал обучаться фехтованию под руководством Лукаса.

Несмотря на то, что Лукас покинул свою семью, изначально он был исключительным фехтовальщиком. Мужчина был не только признан одним из трёх самых могущественных людей в стране, но и пользовался большим уважением как мастер фехтования.

Новость о том, что он теперь наставляет ученика, была довольно неожиданной!

Естественно, возник значительный интерес. Некоторые пытались переубедить ребёнка, в то время как другие, подпитываемые ревностью, пытались причинить им вред.

В этом маленьком поместье, основанном после того, как Лукас покинул свой дом, ребёнок усердно учился фехтованию. Однако, даже когда мальчик был с ним, мужчина, казалось, не мог подавить свою тягу к путешествиям. Он ещё не вернулся со своей последней вылазки.

«Что ж, он хотя бы отправил письмо».

Леон, ученик, выпрямился и прочитал послание. Нахмурившись, он наклонил голову.

— Что в письме вызвало такую реакцию? – спросила горничная.

— Он привезёт ещё одного ребёнка.

— Что?

Удивлённые глаза горничной расширились. Леон нервно прикусил губу и перечитал предложение.

— Ещё один ребёнок.

И всё же, сколько бы раз он ни перечитывал, содержание письма оставалось неизменным.